

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ: ТЕКСТ И ЕГО ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ СВЯЗИ

Людмила М.Ермакова

(Муниципальный университет иностранных языков г. Кобэ)

Ниже мы собираемся представить публикацию текста одной повести, которая, впервые увидев свет двести лет назад, с тех пор, видимо, оказалась полностью забытой и не упоминалась даже в самых подробных специальных исследованиях. Собственно говоря, по размерам это небольшой рассказ, но он вполне соответствует повестийному жанру, во всяком случае, в той его разновидности, которая характерна для русской литературы второй половины XVIII в. и первого десятилетия XIX в., – того периода, когда успех в «непрерывной вежливой войне», которую, по выражению Б. Эйхенбаума, проза вечно ведет с поэзией, пожалуй, склонялся в сторону прозы.

Повесть эта называется «Остров Шамуршир»¹, ее создатель скрыт под псевдонимом М.М-в, напечатана она была в Москве в 1810 г., хотя автор ее, возможно, был петербуржцем или же написал ее в столице, поскольку в конце повести стоит не только псевдоним автора, но и указание – «С.П.Бургъ, 1810 года». Правда, это последнее может оказаться и мистификацией со стороны анонимного писателя, желающего таким образом удостоверить подлинность рассказываемых событий – ведь повествователь, по его утверждениям, ведет рассказ со слов офицера Русско-Американской Компании, главное правление которой сначала располагалось в Иркутске, а с 1800 г. – было перенесено именно в Петербург. (Компания эта была создана в 1799 г. и получила от Павла I монопольные права на пушной промысел, торговлю и открытие новых земель в северо-восточной части Тихого океана).

Автор настоящей публикации обнаружил эту повесть в процессе по-

Людмила М.Ермакова

иска ранних упоминаний о Японии в России. Однако в самой повести, как выяснилось при знакомстве с текстом, о Японии не говорится, зато речь в ней идет об айнах, только не хоккайдоских, а курильских айнах, так называемых курилах.

Для России, да и для всей Европы курилы были народом, безусловно, весьма далеким и экзотическим, поэтому стоит, видимо, сказать несколько слов о том, что было известно о них среди *literati* конца XVIII-начала XIX вв. и почему айны могли быть выбраны в качестве главных персонажей литературного повествования.

Курилами в ту пору называли прежде всего людей племени айну, живущих на Курильских островах; кроме того, они населяли еще и Сахалин, и юг Камчатки. К моменту создания повести в России уже хорошо знали о существовании племени курил и островах, где они живут. Места их обитания европейцы (голландцы) впервые посетили в 1643, вскоре после этого, в 1648 г., Семен Дежнев, добравшийся до Камчатки, впервые услышал о племени «мохнатых» курил, мужчины которого носили большие окладистые бороды. Затем приказчик Анадырского острога Владимир Атласов, «якутский казак» родом из Великого Устюга, с военным отрядом отправился покорять и облагать ясаком разные камчатские племена, в том числе курил, у которых, как оказалось, и взять было нечего. В 1711-13 северную группу Курильских островов подробно описал российский отряд во главе с Д. Анфицеровым и И. Козыревским. (Целью экспедиции была попытка установить контакт с Японией, но штормовое море не позволило Козыревскому продолжить свой маршрут до "Апонского государства", как это формулировалось в наказе Козыревскому камчатских властей).

Происхождение топонима в названии повести, таким образом, вполне могло быть сконструировано из названий двух островов, до которых сумел добраться И. Козыревский во время двух экспедиций: Шумшу («Шоумчу» называет его А.С.Пушкин в своих материалах к заметкам о книге Крашенинникова о Камчатке²) и Парамушир. Возможно также, что свою роль сыграл и топоним Симусир (Симушир), занесенный в чертеж Козыревского и Анциферова, составивших во время своей экспедиции карту ряда Курильских островов³.

Еще один возможный, и, может быть, более вероятный источник

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

айнского топонима – «Описание земли Камчатки» 1755 г.⁴ упомянутого выше С.П. Крашенинникова. Тогда сведения о Курильских островах и их обитателях впервые появились не в специальных донесениях, а в открытой российской печати. Там Крашенинников, в частности, писал: «Курилы говорят тихо, плавно, свободно и приятно. Слова в языке их посредственны, гласных и согласных в них умеренно; но и самой народ всех диких народов добронравнее, осторожнее, правдивее, постояннее, обходительнее и честолюбивее». Книга С.П. Крашенинникова была в те времена достаточно популярна (так, у Пушкина, согласно Б.Л. Модзалевскому⁵, имелось ее второе издание 1786 г. – по-видимому, приобретенное в связи с предполагавшейся поездкой поэта в Китай, в конце концов не состоявшейся).

Кстати, к концу XVIII в. в российской печати появилось и изображение курильцев – в книге с цветными гравюрами И.И. Георги⁶ «Описание всех в Российском государстве проживающих народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», вышедшей в Петербурге в трех частях в 1776-1777 гг. (Екатерине II так понравилось это сочинение, что она, приказав напечатать его «в счет кабинета, но в пользу автора», даже подарила Георги золотую табакерку). Курилец изображен в книге с усами и окладистой бородой, с огромным изогнутым луком в руках, одетым в короткий темно-синий халат-плащ с ярко-красным орнаментом квадратных очертаний.

«Правдивость» и «добронравность» айнов вполне могла послужить основанием для автора выбрать отдаленный курильский остров в качестве места действия его произведения.

Повесть, о которой идет речь, была напечатана в журнале «Аглая», издателем которого был князь Петр Иванович Шаликов (1768-1852), поэт, издатель и журналист, переводчик Жанлис и Шатобриана, сначала сделавший карьеру военного, а после отставки занявшийся литературой. Вероятно, П.И. Шаликов, горячий поклонник Карамзина и его подражатель и в стихах, и в своих записках путешественника, наименовал так свой журнал тоже в подражание карамзинскому альманаху «Аглая», который к тому времени уже давно прекратил существование.

Людмила М.Ермакова

Итак, издатель повести – сравнительно известная фигура в истории российской словесности, что же касается автора, то его инкогнито пока раскрыть не удалось. Соблазнительно было бы приписать авторство М.Н.Макарову (1785-1847), с которым Шаликова связывало тесное сотрудничество. В.Э.Вацуру называет Макарова «плодовитым литератором и историком-дилетантом, принадлежащим к числу поздних московских сентименталистов»⁷. Добавим к этому, что М.Н.Макаров был также переводчиком с английского. В.Э.Вацуру приводит в пересказе ряд сюжетов, принадлежащих перу М.Н.Макарова (некоторые при этом являются литературными мистификациями) – многие связаны с кораблями, путешествиями, морем и подписаны разного рода псевдонимами. Однако эту догадку на данном этапе подкрепить нечем, кроме сходства инициала – М.М-в.

Надо сказать, что и польская исследовательница Магдалена Домбровска, автор новейшего монографического труда, посвященного русской литературе сентиментализма, оставляет инициалы «М.М-в» без попытки определения автора, в то время как повесть «Евдоксия, или картина мнимого просвещения (Происшествие XIX столетия)», опубликованная в том же 1810 г., что и «Остров Шамуршир», в другом выпуске того же журнала «Аглая» (ч.9, кн.2, с.30-40, кн. 3, с.3-37) под псевдонимом «М.М.к.р.въ», однозначно толкуется ею как М.Н.Макаров⁸. Продолжая рассуждения об авторе, сообщим существенный факт – под тем же псевдонимом, то есть М.М-В., в журнале «Аглая» за 1810 г. в следующей, 12-й части журнала, кн.2, с.3-31, была опубликована еще одна повесть – «Варенька». Повести обнаруживают определенное таксономическое сходство: «Остров Шамуршир» носит подзаголовок «Курильской анекдот», а помета к «Вареньке» гласит просто «Анекдот». Повествователь – герой повести, от лица которого ведется рассказ, в результате людских козней вынужден поселиться в деревне. Там его встречает любовь в лице его воспитанницы, крестьянки Вареньки, что тоже сближает сюжеты двух повестей. Тем не менее, стилистически эти повести значительно отличаются друг от друга, и хотя в обоих случаях использован один и тот же авторский псевдоним (а также подозрительно созвучны имена героинь – Варенька-Варьми⁹), скорее всего, они написаны разными людьми.

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

Скажем еще, что в «Библиографическом реестре русских сентиментальных повестей», приложенном к исследованию М.Домбровской, где перечислены, кажется, практически все произведения этого направления с 1772 по 1819 гг., обсуждаемая здесь повесть отсутствует, что тем более оправдывает наше нынешнее намерение представить ее более или менее подробно.

Итак, повесть «Остров Шамуршир» рассказывает о любви русского офицера Малинского и юной «курилки» Варьми и начинается словами: «Когда корабль оставляет Охотское море и намеревается плыть в море открытое, названное Восточным Океаном, тогда ему невозможно будет миновать островов Курильских, островов диких и заселенных народами, которые едва ли имеют и малейшее понятие о первой точке просвещения: они дики и совершенно необразованны. Звериная и рыбная ловли составляют их главную промышленность. Дань, которую они платят мехами и рыбой Российской Державе, означает зависимость их от оной; но впрочем они управляются старейшинами семейств, которых иногда они называют Принцами, или самодержавными Князьями.

В 1784 году один Российский купеческий корабль, находясь долговременною жертвою непостоянной стихии, был прибит к берегам Шамуршира, одного из главнейших островов Курильских».

Такой зачин вполне характерен для повестей этого жанра и сразу вводит параметры отдаленности, дикости, опасности, чуждости того края, куда попадает герой.

Нет нужды подробно пересказывать повесть, поскольку ниже она приводится полностью. Перечислим лишь существенные звенья сюжета – далее в завязке повести сообщается, что офицер Малинский, бывший на купеческом корабле пассажиром и путешествовавший из любопытства, внезапно занемог. Однако корабль должен был плыть дальше по неотложным торговым делам, и товарищам пришлось, проливая слезы, оставить его на берегу такого «самодержавного» острова Шамуршир, впрочем, уже платящего дань русскому самодержавию.

«Какая минута! – высокопарно пишет автор повести. - Остаться в безвестности судьбы своей, между народами незнакомыми, которые,

Людмила М.Ермакова

может быть, отвергают всякое чувство сострадательности; которые, может быть, самую добродетель признают в образе тиранства, самого Бога в образе злодеяния! – Мучительная неизвестность! кто может изобразить тебя!»

Однако Малинского подобрала добросердечная курильская семья – муж Джизи, жена Гульми и молодая дочь Варьми, они выходили и полюбили Малинского. Когда об этом узнали другие обитатели острова, они нагрянули в дом семьи, приютившей Малинского, чтобы убить его. Оказывается, ранее здесь произошла такая история: к берегу пристал голландский корабль, моряки сошли на берег, похитили нескольких курильцев и увезли их.

Отец Варьми убеждает соплеменников (в тех же высокопарных словах, что в уже приведенной цитате) пожалеть русского, друга курильцев и «подданного великого царя». Пришедших удастся уговорить («вот действие красноречивой добродетели над жестоким заблуждением!»), и потом, встречаясь с Малинским, курильцы радуются тому, что не убили такого доброго человека, и, как оказывается, вообще, благодаря ему, смягчились по отношению к европейцам.

В конце концов наступил день, когда к острову пристало русское судно, «Малинский объяснился с капитаном корабля и был принят на оной с сердечным удовольствием своих добрых соотечественников». Варьми «ангельским голосом с видом робости» говорит ему, что согласна ехать с ним. Следует драматическая сцена расставания с родителями.

«Сей анекдот», – заключает автор повести, скрывшийся под псевдонимом М.М-в, – «был рассказан мне одним из морских офицеров, бывших в Российско-Американской компании; он сам был на острове Шамуршире, где имя Малинского у всех жителей еще не забыто; но он не застал живыми Джизи и Гульми; быть может, что вечная разлука с дочерью была причиною преждевременной их смерти. Проезжая Т*** Губернию, знакомец мой видел Малинского, восхищался образом его жизни, его Варьми, самим им и его детьми!»

Эту повесть, скорее всего, вряд ли можно отнести к числу высших достижений русской прозы XIX в. Тем не менее, она, несомненно,

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

весьма любопытна – и по многим причинам. Прежде всего, хоть это соображение отнюдь не эстетического характера, повесть – единственное не только в России, но и на всем литературном Западе произведение художественной литературы, где в качестве главных персонажей фигурируют айны (хоть и условно романтические), и уже одно это, вероятно, может считаться достаточным основанием для публикации.

Кроме того, эта повесть, два века пролежавшая в забвении, имеет ряд примечательных черт и с точки зрения российской литературной истории. Она совершенно очевидно принадлежит к числу довольно ярких и характерных произведений русского сентиментализма, – течения, которое вслед за Г.А.Гуковским многие исследователи и теперь считают своего рода «предромантизмом». Как известно, это течение в литературе, пришедшее с Запада, пережило в России период бурного расцвета и закончилось как направление очень быстро, хотя его тенденции, энергия его идей и возможности «литературной чувствительности», которые были заключены в нем, явно не исчерпаны и поныне, что признают многие современные исследователи.

Напомним, что эта специфическая «чувствительность» сентиментализма означала не только способность чувствовать, но еще и способность сострадать, способность к восприимчивости и отзывчивости. Притом «чувствительность» была не просто идеальной характеристикой нового человека периода сентиментализма, но своего рода орудием социального спасения – предполагалось, что если эта способность станет чертой многих, то с ее помощью в какой-то мере можно будет исправлять общественные пороки и помогать обиженным судьбой.

В русской литературе образцом для порождения текстов такого рода была, разумеется, «Бедная Лиза» Н.М.Карамзина (издана в 1792 г.), идея которой, помимо чувствительности, состояла в том, что «и крестьянки любить умеют». То есть объектом чувств стал новый входящий в литературу, довольно разнородный слой персонажей, от крестьян до диких, но простодушных туземцев. Идея эта, вскоре завладевшая умами разных российских писателей, в том числе и автором рассматриваемой повести, восходила, в частности, к руссоистской мечте о возвращении к природе, о поисках утраченной

Людмила М.Ермакова

гармонии, которая, как верилось просветителям XVIII в., может быть обретена в среде людей, не испорченных современной цивилизацией – поскольку при рождении все люди, как предполагалось, наделены чистотой помыслов и благородством. Вслед за Европой «благородные дикари» скоро приобрели популярность и в России – в конце XVIII в. в русской периодике печатались многочисленные переводы произведений европейских сентименталистов¹⁰. С образом туземца – носителя абсолютных нравственных ценностей мы встречаемся и в рассматриваемой повести, где говорится, в частности, о том, «какое славное преимущество может получить безыскусственная, живая Природа; там, где существуют уже нравы испорченные, конечно, невинность должна быть фениксом...»

Не приходится удивляться поэтому, что действие романов этого направления, европейских и отечественных, часто происходило на далеком труднодоступном острове, куда герой попадал по случайности. Очевидно, что и название рассматриваемой повести воспроизводит структуру карамзинского «Острова Борнгольм» и, как сказал о таких повестях Ю.М.Лотман, отсылает к "воображаемым путешествиям в географическом, культурном и временном пространстве"¹¹.

Понятно, что фабула повести как любовная история в духе сентиментализма вполне характерна для XVIII-начала XIX века, нечто сходное может быть найдено в литературах разных европейских стран этого периода. И нечто весьма похожее именно на такой сентиментально-романтический штамп, но без «дикарского» колорита, с оттенком пародийности воспроизведет потом Пушкин в «Станционном смотрителе».

Сходств у повести «Остров Шамуршир» в самом деле немало – как с образцом жанра, «Бедной Лизой», так и с произведением, Карамзина пародирующим, – пушкинским «Станционным смотрителем», которого А.Жолковский в своей «Семиотике "Тамани"» назвал «программно-антисентименталистским».

Итак, между «Островом Шамуршир», «Станционным смотрителем» (и исходным образцом – «Бедной Лизой») можно установить целый ряд соответствий. И порой это сходство «Шамуршира» и «Смотрителя» вполне способно навести на мысль о том, что «Остров Шамуршир»

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

мог быть знаком Пушкину. Дело здесь не только в том, что Пушкину явно была хорошо и близко известна деятельность Шаликова и его окружения. Ряд общих черт обоих произведений в самом деле позволяет предположить, что «Остров Шамуршир» стал частью того собирательного образа, того литературного штампа, который существовал в представлениях Пушкина как некая «матрица» сентиментализма. Не настаивая на этом, ограничимся предположением, что мишенью Пушкина были как раз и прежде всего такие сюжетные схемы и типы построения сентиментального повествования, к которым можно отнести повесть М.М-ва.

Вероятно, стоит оговориться, что это наше предположение противоречит основным выводам Д.Рицци, которая в своей работе «‘Станционный Смотритель’ Пушкина и ‘Старосветские Помещики’ Гоголя»¹² утверждает, что повесть «Станционный смотритель» – литературная рефлексия исключительно над «Бедной Лизой», и у Пушкина в его литературном диалоге только один «собеседник» — проза Карамзина. С этим трудно согласиться: прежде всего, одного собеседника Пушкин назначает себе сам и с самого начала произведения – это П.А.Вяземский, чьи строки из стихотворения «Станция» Пушкин выбирает в качестве эпиграфа (перифразировав на свой лад). Но есть и другие основания сомневаться в том, что одна только «Бедная Лиза» была для Пушкина точкой отсчета: ведь между этой карамзинской повестью (увидевшей свет еще до рождения Пушкина) и «Смотрителем» прошло тридцать лет с лишним лет, и у поэта могли быть и наверняка были и другие литературные впечатления, связанные с сентиментализмом и относящиеся к более позднему времени. Кстати, о том, что «Смотритель» «откликается» не только на Карамзина, говорят и другие исследователи, считающие возможными «литературными собеседниками» Пушкина еще целый ряд произведений и персонажей¹³.

Возвращаясь к повести о «прекрасной курилке», перечислим кратко элементы фабулы и черты стиля, которые нам кажутся общими для «Острова Шамуршир» и «Станционного смотрителя» (многие из них отмечены В.И.Топоровым как характерные для «Бедной Лизы», а Д.Рицци – для «Станционного смотрителя»), и посмотрим, к каким результатам это может привести.

Людмила М.Ермакова

1) И у М.М.-ва, и у Пушкина, и в «Бедной Лизе» речь идет об отдаленном и чужом для героя, в известном смысле замкнутом пространстве, куда попасть можно через этап путешествия. В «Бедной Лизе» герой посещает это пространство по собственной воле, в «Острове Шамуршир» и в «Станционном смотрителе» вынужден остаться в этом замкнутом пространстве из-за болезни, но в «Шамуршире» болезнь подлинная, в «Смотрителе» – притворная.

2) Во всех трех случаях действие отнесено к прошлому – в «Бедной Лизе»: «Эраст был до конца жизни своей несчастлив. <...> Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю». События, описанные в «Шамуршире», рассказаны повествователю офицером Российско-Американской компании уже после того, как он побывал на острове Шамуршир, а потом в «Т*** Губернии», где он видел семью Малинского и его детей, то есть времени также прошло немало. У Пушкина: «станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена»; «вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер».

3) Все три повести начинаются с отвлеченного описания. У Карамзина: «Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле <...>», у М. М.-ва «Когда корабль оставляет Охотское море и намеревается плыть в море открытое, названное Восточным Океаном, тогда ему невозможно будет миновать островов Курильских, островов диких и заселенных народами<...>», наконец, у Пушкина знаменитое «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги <...>».

4) Во всех трех случаях в повести фигурирует не только прекрасная девица, но речь непременно идет о ее родителе или родителях. В «Бедной Лизе» главой дома выступает ее мать-вдова, в повести о курильской девушке – оба родителя, в «Смотрителе» - отец.

5) Герой во всех трех повестях добивается расположения родителей девушки: «Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нем никакого худого намерения. <...> Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела». В «Смотрителе» и «Шамуршире»

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

старец дает приют приезжему в своем доме - только у М.М.-ва герой принимает эту услугу в силу обстоятельств, у Пушкина – герой сам добивается этой услуги плутовством. Более того, в обоих случаях отец сам дает разрешение дочери на отъезд с главным героем: у М.М.-ва – по доброй воле («Джизи и Гульми осыпали ее благословениями»), у Пушкина – в результате коварного обмана ("Чего же ты боишься?" сказал ей отец; "ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви").

6) В конце трех повестей наступает смерть одного или обоих родителей девицы. У Карамзина: «Кровь ее (матери Лизы – Л.Е.) от ужаса охладела - глаза навек закрылись», у М.М.-ва умирают оба родителя – «быть может, что вечная разлука с дочерью была причиною преждевременной их смерти». В «Смотрителе» не обходится еще и без описания кладбища («отроду не видал я такого печального кладбища»).

7) Применен одинаковый способ установления достоверности повествования с помощью даты: «В 1784 году один российской купеческой корабль...» (М.М.-в), «В 1816 году, в мае месяце, случилось мне ...» (Пушкин); обе повести говорят о том, что происходило в прошлом по отношению к моменту повествования, но при этом в обоих случаях рассказ складывается с эффектом сиюминутного присутствия.

8) Имитация реальности достигается и с помощью указания места или намека на конкретное место: у Карамзина это «Москва», «башни Си...нова монастыря», «Воробьевы горы», «Коломенское с высоким дворцом своим» и т.д., у Пушкина «***ская губерния», «в трех верстах от станции***», путь «из Смоленска в Петербург», Литейная, село Н.; у анонимного автора «Острова Шамуршира» - Охотское море, Восточный Океан, Курильские острова и, наконец, сам Шамуршир.

9) Одинаковы признаки благополучия соблазненной девушки – дети как показатель официального статуса и гарантия семейного счастья: «знакомец мой видел Малинского, восхищался образом жизни его, его Варьми, самим им и его детьми!» (М.М.-в), «"Прекрасная барыня" отвечал мальчишка; "ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами..."» (Пушкин).

10) Один из персонажей в конце произведения посещает место, где происходили события и где молодая пара была счастлива: Лиза «вдруг

Людмила М.Ермакова

увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов», офицер – источник информации для повествователя у М.М-ва, «сам был на острове Шамуршире, где имя Малинского у всех жителей еще не забыто», у Пушкина: «я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.».

11) Этот последний пункт добавлен, можно сказать, из педантизма, поскольку «пролитие слез» горя и радости – естественный и постоянный атрибут сентименталистского повествования. В «Шамуршире» слезы льются семь раз, у Пушкина – пять, в «Бедной Лизе» - 22 раза. И только для Пушкина слезы оказываются объектом иронии: «Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем...»

Вообще, пресловутая «аховая» чувствительность в повести демонстрируется также самыми характерными, можно сказать, стандартными для этого направления средствами, они выделены и описаны В.Н.Топоровым применительно к «Бедной Лизе». Это прежде всего обилие восклицательных и вопросительных знаков, «сверхэмоциональность». Как писал исследователь, «сделав акцент на внутренней жизни души, на "субъективности", на движении чувств и мыслей, Карамзин встал перед необходимостью динамизации самого описания этих новых состояний»¹⁴. Как и в «Бедной Лизе», ритмический рисунок многих фраз рассматриваемой повести также построен на отчетливом звучании дактилических окончаний, что, по заключению В.Н.Топорова, читалось у Карамзина как «плавность, простота, безыскусность, "минус-прием"¹⁵. В рассматриваемой повести это, очевидно, заимствованный стилистический ход, ставший уже расхожим, примеры здесь многочисленны, особенно в конце фразы или синтаксического периода: «он в крайней слабости упал бесчувственным», «на острове, <...> между народами дикими» и т.д. Чрезвычайно часто наблюдается и инверсия определения и определяемого. В «Станционном смотрителе» ритм фразы на протяжении всего повествования далек от умильного дактилического слога, кроме разве концовки – «славная барыня», «и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных». И здесь использование дактилических ритмов даже, можно сказать, знаменательно: несмотря на снижение стиля упоминанием о точной

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

сумме потраченных денег пушкинская концовка – чуть ли не самое «чувствительное» место в повести.

Упомянем также и о наличии эпитафий у М.М-ва и у Пушкина. У первого, как и следовало ожидать, его составляют патетические строки из Карамзина, у Пушкина – ироническая переделка двух и без того иронических строк из стихотворения П.А. Вяземского «Станция».

Из вышеприведенного перечисления можно видеть, как многочисленны совпадения «Острова «Шамуршир» и «Смотрителя», быть может, их даже больше, чем прямых текстуальных подражаний «Бедной Лизе» у М.М-ва или передразниваний у Пушкина. Но то главное, что отличает обе повести от «Бедной Лизы», как представляется, заключено именно в неожиданной и счастливой развязке событий для героя и для соблазненной девушки. Часто говорится, что Пушкин пародийно и парадоксально поменял знак, отказываясь от карамзинского трагического исхода и превращая его в хэппи энд на протяжении, собственно, всех «Повестей Белкина». Однако на материале повести «острова Шамуршир» мы видим, что такого рода перемена знака произошла в сентименталистской литературе несколько раньше – о чем поэт вполне мог знать, в том числе, и непосредственно из этой повести. То есть, можно сказать, что в пушкинском повествовании происходит обыгрывание и нюансировка карамзинской развязки, но в виде уже полностью перевернутом внутри рамок той же сентименталистской парадигмы.

Как мы видим, пародийное развитие сентиментально-романтических сюжетов осуществлено в «Смотрителе» через прямое воспроизведение их основных фабульных ходов и приемов с рядом изменений, в частности, с заменой характера и типа главного героя. Развитие идет от противоречивого Эраста через стадию романтического страдальца, в повестях карамзинских подражателей побеждающего все невзгоды, к успешному плуту у Пушкина.

Сравнивая «Остров Шамуршир» со «Станционным смотрителем», стоит, как нам представляется, говорить еще об одном сходстве. Это сходство разворачивается в сфере так называемых повествовательных инстанций.

В.Н.Топоров пишет о «Бедной Лизе», что здесь Карамзин «прак-

Людмила М.Ермакова

тически первым ввел в текст фигуру рассказчика, возложив на него важные функции»¹⁶. Отделенный от автора рассказчик, находящийся вне сюжета, ведущий повествование со слов другого, и в «Бедной Лизе», и в «Шамуршире» оказывается сопереживателем, сочувствующим главным героям и их окружению и проклинающим тех, кто приносит им зло. Но есть и различия – в «Бедной Лизе» рассказчик повествует задним числом о том, что рассказал ему Эраст: «Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцей. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могиле».

В «Шамуршире» же функция рассказчика получает дальнейшее усложнение и развитие. Писатель вводит еще одну инстанцию – человека, на свидетельства которого ссылается рассказчик: «Сей анекдот был рассказан мне одним из морских Офицеров, бывших в Российско-Американской Компании». В этом случае сочувствие и сопереживание рассказчика оказываются многослойными – на одном уровне наррации он пересказывает рассказ морского офицера и воспроизводит его эмоции, но и, видимо, наслаивает на них свои сопереживания вместе со своей эмоциональной оценкой происходящего; впрочем, разделить эти два уровня для читателя невозможно, да, скорее всего, этого и не предполагается.

Такое, как в «Шамуршире», введение дополнительных повествовательных инстанций по сравнению с «образцовой» конструкцией «Бедной Лизы» ко времени создания Пушкиным «Станционного зрителя» уже стало поводом и предметом пародирования (здесь возможно также и влияние Яна Потоцкого с его игрой в обрамляющие конструкции). «Зритель», как известно, имеет множество уровней повествования. Как сказано в «письме» к «Пушкину» (или, вернее, к «А.П.») от «издателя» «Повестей Белкина» (то есть в предисловии к повестям), этот сюжет рассказан был И.П.Белкину «титularным советником А. Г. Н.», о чем сообщил «издателю» «один почтенный муж, бывший другом Ивану Петровичу» (обратиться к которому «издателю», в свою очередь посоветовала «Марья Алексеевна Трафилина, ближайшая родственница и наследница Ивана Петровича Белкина»). Таким образом, пушкинская фраза «В 1816 году, в мае

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному», записанная, согласно сюжету «Повестей», И.П.Белкиным, должна, по сути, первоначально исходить от «А. Г. Н.», упомянутого в письме «издателя». Еще одно усиление у Пушкина – рассказчик оказывается лично вовлечен в сюжет, и хотя о главных событиях он сообщает сначала со слов зрителя, а потом со слов мальчика, в начале повести рассказчик сам встречает зрителя и его дочь и делится своими воспоминаниями об этом посещении и даже о поцелуе Дуни. (Структурно это напоминает то повествующее «я», которое мы видим в онегинских «лирических отступлениях» и которое не раз оказывается близко к главным героям и сюжетной линии, непосредственно в ней не участвуя).

Интересно сравнить и концовки: в «Бедной Лизе» концовка полностью принадлежит непосредственному рассказчику: «Теперь, может быть, они уже примирились!» В «Шамуршире» заключительная фраза – не прямая речь рассказчика, а пересказ со слов того же источника – офицера, однако эмоциональная оценка этих неведомых читателю слов и восклицательный знак в конце фразы, несомненно, принадлежат рассказчику: «Проезжая Т... Губернию, знакомец мой видел Малинского, восхищался образом жизни его, его Варьми <...>». У Пушкина, как и в «Шамуршире», этот рассказчик – четвертого или пятого уровня (представляющий собой, как уже говорилось, некий общий образ, составленный из А.Г.Н. и И.П.Белкина, о котором Пушкин – «А.П.» – узнает из письма издателя).

Насколько реальна возможность того, что Пушкин хотя бы бегло просмотрел повесть «Шамуршир» в ряду иных произведений позднего сентиментализма, ставших впоследствии предметом его иронического обыгрывания?

Шаликов был, несомненно, яркой фигурой и занимал важное место в литературных кругах первой трети XIX в. В трудах по истории русской литературы его имя обычно приводят прежде всего как пример ярко выраженного эпигона сентиментализма. У современников он заслужил прозвища "Вздыхалов", «Кондитер литературы», «Князь вралей»; в изображении князя Вяземского он: "с собачкой, с посохом, с лорнеткой, и миртовой от мошек веткой, на шее с розовым платком,

Людмила М.Ермакова

в кармане с парой мадригалов..." (Надо сказать, что в последнее время раздаются и голоса в его защиту, в том числе в сфере гендерных исследований. Так, Ю.Жукова в своей статье пишет о том, как она «была поражена насыщенностью русских журналов первой четверти XIX века материалами, связанными с женской тематикой, количеством профеминистских идей, высказываемых, в том числе, на страницах журнала "Аглая", издаваемого в 1810-1812 гг. в Москве князем П.И.Шаликовым, которого, вопреки сложившемуся отношению к нему как к литератору третьего ряда <...>, по личным убеждениям мы могли бы назвать одним из первых русских феминистов»¹⁷.)

Скажем здесь же, что еще ранее П.И.Шаликов стал соиздателем «Журнала для милых, издаваемого молодыми людьми», основанного в 1804 г. М.Н.Макаровым и выходившего в течение этого года 12 раз, а в 1822-1833 гг. Шаликов издавал «Дамский журнал», и во всех этих случаях «нежное чувство женщины» и «нежная чувствительность, сопряженная с моралью», как он сам писал, были предметом его главного внимания.

Вызывая всеобщие насмешки, он, тем не менее, играл активную роль в литературных кругах, близких Пушкину. Пушкин знал его довольно хорошо¹⁸; заходил по делам в его дом. В письме от мая 1836 Шаликов сожалел, что Пушкин, посетивший его (дом университетской типографии на Страстном бульваре, ныне д. 10), не застал его дома, и он не мог принять «бесценного гостя». В письме к В. Ф. Одоевскому от 1 сентября 1837 г. П. А. Вяземский вспоминал, что Пушкин посылал Шаликову «Современник» в подарок. Как пишет Л.А.Черейский¹⁹, Пушкин был знаком и с женой и дочерьми Шаликова. В письмах Пушкина его имя упоминается 13 раз, нередко как нарицательное, всегда с иронией, легкой или не очень: «На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов» (письмо из Москвы в Петербург Н.Н.Пушкиной от 27 августа 1833 г.).

Время от времени, начиная еще с лицейского времени, Пушкин поминал Шаликова и в стихах – с той же неперемнной иронией («Шаликов, добра хвалитель записной, / Довольный изредка журнальной похвалой»); самый язвительный пушкинский текст, посвященный

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

Шаликову – знаменитая эпиграмма («Князь Шаликов, газетчик наш печальный»), написанная вместе с Баратынским 15 мая 1927 г. на завтраке у Погодина²⁰.

Сам же Шаликов, со своей стороны, был восторженным почитателем Пушкина, обращал к нему комплиментарные стихи. И надо сказать, что Пушкин все же, в отличие от других современников, был к нему определенно снисходителен; так, в письме тому же П.А.Вяземскому от 19 февраля 1825 г. из Михайловского в Москву он пишет: «Онегин» напечатан, думаю, уже выступил в свет. Ты увидишь в «Разговоре поэта и книгопродавца» мадригал князю Шаликову. Он милый поэт, человек, достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он именно поэт прекрасного пола. *Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement*»²¹.

(Кстати сказать, существует прецедент исследования, может быть, несколько сенсационного, в котором устанавливается гипотетическая связь между творчеством Пушкина и деятельностью Шаликова. Так, В.В. Сперантов в работе «Был ли кн. Шаликов изобретателем 'онегинской строфы'?»²² говорит о сходстве схем рифмовки «Евгения Онегина» и оды кн. П. И. Шаликова «Стихи Его Величеству Государю Императору Александру Первому на бессмертную победу пред стенами Лейпцига в Октябре 1813 года», опубликованную в «Вестнике Европы», ч. LXXII, № 23/24, с. 174—176).

Таким образом, факт знакомства Пушкина с публикуемым ниже произведением, на наш взгляд, нельзя исключить полностью, хотя, разумеется, нет и достаточных оснований для предположений о сознательном пародировании Пушкиным наряду с «Бедной Лизой» и «Острова Шамуршир». Так что вышеприведенные сближения, скорее, умозрительны, хотя, на наш взгляд, определенно свидетельствуют о возможных литературных пересечениях.

Людмила М.Ермакова

ОСТРОВ ШАМУРШИР

Курильской анекдот

Судьба, поднимая руку с мечем, другою сыплет цветы на жертву свою!

Карамзин

Когда корабль оставляет Охотское море и намеревается плыть в море открытое, названное Восточным Океаном, тогда ему невозможно будет миновать островов Курильских, островов диких и заселенных народами, которые едва ли имеют и малейшее понятие о первой точке просвещения: они дики и совершенно необразованны. Звериная и рыбная ловли составляют их главную промышленность. Дань, которую они платят мехами и рыбой Российской Державе, означает зависимость их от оной; но впрочем они управляются старейшинами семейств, которых и н о г д а называют они П р и н ц а м и или самодержавными Князьями.

В 1784 году один российской купеческой корабль, находясь долговременную жертвою непостоянной стихии, был прибит к берегам Шамуршира, одного из главнейших островов Курильских. Начальник корабля, исправив оной, с первою благоприятною погодою намеревался оставить пристань и продолжать свое плавание.

Уже все было в готовности, и матросы, распевая веселыя песни, при первом повелении Капитана ожидали своего отплытия, один только молодой Малинский, Русской Офицер, бывший пассажиром на корабле и намеревавшийся единственно из любопытства объехать некоторые части света, опасно занемог и не в состоянии был оставить берегов Шамурширских. Но время не позволяло медлить кораблю, и Малинский должен был избрать на свою волю: или, оставшись на острове, может быть, выздороветь; или сесть на корабль, но не перенести трудностей мореплавания и умереть. Для чего ж бы не подождать еще несколько времени Капитану? – Мы не должны его винить в сем случае: медленность лишала выгод, а корабль и груз онаго не принадлежали ему, но только были вверены его начальству. И так Малинский должен был

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

решиться для спасения жизни своей оставаться на острове, в стране незнакомой, между народами дикими. Какое положение! С горестию оставили его друзья и товарищи, с полными слез глазами сказали ему последнее прости навеки! и может быть мысленно уже погребли его заживо в стране дальней, чужой, незнакомой и – полетели на всех парусах в необозримой океан вод, будучи благоприятствуемы попутным ветром. Какая минута! Остаться в неизвестности судьбы своей, между народами незнакомыми, которые может быть отвергают всякое чувство сострадательности; которые может быть самую добродетель признают в образе тиранства, самого Бога в образе злодеяния! – Мучительная неизвестность! кто может изобразить тебя? Но бедное человечество еще все не престаёт предпочитать тебя смерти, которая иногда, а может быть и всегда, бывает нашею усладительницею, целительным бальзамом по окончании горестных сцен жизни!..

Долго Малинский оставался в безпамятстве, почти совершенно мертвым, долго сидел на зеленом, высоком пригорке, на том самом месте, где оставили его товарищи; долго смотрел на развевающий флаг корабля своего, который летел как птица по зеркальной поверхности океана; шум волн заглушал едва уже слышимой голос песни матросов; наконец корабль скрылся из виду. Горесть совершенно победила несчастного, оставленного, и он в крайней слабости упал безчувственным.

Между тем как сие происходило, Курилец Джизи, которому был поручен Малинский, в безмолвии стоял подле него, и не разумея ни одного языка, кроме своего отечественного, не находил способов к облегчению грусти отчаянного несчастливца. Наконец он изобрел способ утешать его, начав плясать, прыгать, петь вокруг своего гостя; но и сей способ был также бесполезен; ни что не могло развлечь печального Малинского. Что же с ним делать, думал добрый Джизи, и думал очень не долго, он взял его на руки и отнес в свою хижину, где больной был принят всем семейством своего нового друга с непритворною радостью. Малинского положили на тростниковую постель, натерли целительными мазями, напоили прохладительным питьем и во весь остаток дня не оставляли его ни на минуту.

Семейство Джизи составляли жена и дочь, молодая Курильская

Людмила М.Ермакова

девушка, не пригожая собой для вкуса Курильцев, потому что в лице и поступках ее было много чего-то Европейского. Каждой народ имеет свои предубеждения, свои мнения, и мы видим не редко, что не только народы или целые области, но и самое малое простое общество не может быть между собою согласно во вкусах. В чем один находит дурное, или неприятное, в том другой видит изящное и привлекательное. Истина неоспоримая: нравы и вкусы различны. Курильцы находили дочь Джизи безобразною; но Европейцы называли ее прекрасною. – Гульми (имя жены Джизи) была совершенная Азиатка, до крайности смуглая, до крайности круглолицая; маленькие темносиние глаза, жидкие брови, сплюснутой нос, широкой рот, толстые губы, черные как смоль волосы – вот почти сходной портрет ее; но со всею своею безобразностию она имела добрую душу, нежное сердце и почиталась между Курильцами красавицею.

Напротив того дочь ее Варьми ни мало не походила на своих соотечественников; она имела черные огненные глаза, правильные и приятные черты лица, смуглой цвет, оживленной румянцем, хороший рост, нежный орган голоса. – Чудеса Природы неисповедимы, и дивиться не чему, если между Курильцами могла родиться женщина прекрасная! Феномены редки; но они являются и являлись не в одной стране, не в одной части света, но повсюду. И так красота Варьми может причестся к числу феноменов между Курильцами.

Скоро Малинский с помощью Бога и друзей получил прежние свои силы, и в ожидании прибытия какого-нибудь Европейского корабля занимался образованием благодетелей своих; он научал их многим Европейским обыкновениям; изъяснял им догматы Христианской веры и жил довольно благополучно, если бы тоска по отчизне не раздирала иногда его сердца. – Курильцы любили Малинского искренно, уважали его, угождали ему; но сия любовь, сие уважение, сии угождения не могли заменить в глазах его удовольствия жить хотя бы и в горести, хотя бы и в бедности, но под родимую кровлею:

Отечества и дым нам сладок и приятен!²³

говорит Гораций; так, конечно, сладок и приятен. Для человека на свете сем ни что не может и ни что не должно быть любезнее своего

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

отечества; и как назвать такого человека, которой порицает и отвергает страну отцов своих? он не человек! – И самое изобилие или богатство жизненных удовольствий в стране чужой не возможно променять на отечественную бедность.

Я сказал, что Курильцы любили Малинского; но кто из них любил его всех более, кто почитал его сокровищем, необходимешим для жизни своей, для благополучия: это Варьми! Она в короткое время умела понимать язык своего милаго; в короткое время начала веровать вере его, его Богу; подражала ему во всем, и любила его так, как немногие любят: - без памяти!

Малинский также был не нечувствителен к милой островитянке и любил Варьми, если не страстно, то душевно. Он обещал на ней жениться и наконец исполнил свое обещание. Они поклялись перед истинным Богом во взаимной, вечной друг другу верности, и – Малинский сорвал первую розу с прекрасных губ Варьми. Какое небесное удовольствие иметь своим то, что мило сердцу; быть обладателем того, и располагать тем, что жизнь наша почитает своею жизнью! – Соединение с милым предметом не могло однакож истребить тоски Малинского; он желал еще возвращения в свое отечество, желал там жить с своею доброю Варьми, гордиться ею, восхищаться. – Там (думал он), в стране моего рождения, какое славное преимущество может получить безыскусственная, живая Природа; там, где существуют уже нравы испорченные, конечно, невинность должна быть фениксом; и мое блаженство будет блаженство несравненное!... Он мечтал, и мечты его почти всегда извлекали из глаз его слезы.

Однажды он сидел на самом том месте, на котором был оставлен своими товарищами; Варьми сидела подле него и ласками своими, своею нежностью всячески старалась утешать его. – Скоро может быть сюда приедут Европейцы, говорила она ему; в это время они всегда заезжают к нам для выменки от нас мехов и рыбы: тогда, мой милой друг! ты оставишь наш Шамуршир, конечно оставишь! забудешь друзей своих, которые так с тобою искренны, так тебя любят, забудешь может быть и свою верную Варьми! – Никогда! никогда! моя милая! – воскликнул Малинской, целуя свою подругу; я возьму тебя с собою и в моем отечестве ты будешь еще щастливее, еще веселее,

Людмила М.Ермакова

еще милее! – Нет! нет! отвечала Варьми, мне не возможно там быть веселее; здесь я оставлю моих родимых, моих друзей, мой Шамуршир, и я конечно уже буду часто, очень часто о них плакать; но со всем тем, продолжала Варьми, заливаясь слезами, но со всем тем я ни за что не соглашусь оставаться здесь без моего друга!.. Когда разделится жизнь твоя с моею, я не перенесу этого, я умру, умру наверное!... – Ты и не останешься! вскричал Малинской; за твою верность, за твою любовь должно платить и мне теми же чувствами; и да поразит меня Небо, если моя любовь и благодарность будут к тебе не вечны! Ты гений спаситель жизни моей: как же я могу забыть тебя!... Так продолжался разговор двух верных супругов, взаимно друг другу обязанных. Ласки любви и дружбы сопровождали каждое слово их, каждой взор. – Ах! как весело, как приятно жить тому, кто любит и любим! Жизнь любви одна только может назваться жизнью!

Утро было прекрасное, и предвещало один из приятнейших Майских дней; но Варьми с пасмурным видом возвратилась с своей обыкновенной прогулки; слезы невольно катились из глаз ея. – Что с тобою сделалось, моя милая? спросил встревоженный Малинский. – Голландской корабль пристал к берегам Шамуршира, отвечала она, приходя от часу в большее смятение. – Голландской корабль? вскричал с радостью Европейец; и так надежда опять воскресает в душе моей! Боже мой! как мы будем щастливы! Скажи, где он? Я лечу туда. – Остановись, несчастной! сказал Джизи, вошедший в ту самую минуту, когда Малинский хотел идти, остановись! продолжал старик, или смерть твоя неизбежна! – Мне смерть! воскликнул с отчаянием Россиянин, мне смерть! – тебе смерть, отвечал ему с кротостию старец; молодой человек, ты дорог мне, и я спасу тебя – надейся; но выслушай меня и оставь свою запальчивость: Голландцы пристали к берегам нашим, подманили к себе несколько Шамурширцев и коварным образом увезли их с собою. Это сделали твои добрые Европейцы! сказала Варьми с упреком своему мужу. – Не порицай меня взором твоим, воскликнул Малинский, или я умру у ног твоих. Я невинен! – Ты невинен, говорил со слезами Джизи; но такой бесчеловечной поступок раздражил всех Курильцев и совет старейшин наших присудил истребить Европейцев, которые будут находиться на островах

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

наших. Ты, мой друг! продолжал всхлипывая старец, ты должен быть первой жертвой жестокости законов наших. – Малинский прижал его в объятиях своих и с твердостью сказал ему: «Мой Бог, спасая меня, спасет во всякое время; вера не охладела в сердце моем!»

Варьми и мать ее уже были без чувств, как вдруг в самое сие время толпа раздраженных Шамурширцев ворвалась в хижину Джизи и с яростью требовала жизни Малинского! Джизи! говорили они, ты брат нам и должен быть во всем согласен с нами: Европейцы увезли наших братьев и сыновей, за то и мы хотим побить всех Европейцев! Отдай нам того, которой у тебя живет, и мы убьем его первого! – Смиритесь! отвечал им с кротостью Джизи, смиритесь! я не отдам вам своего друга: он брат мне и вам; один великой Царь управляет им и нами: не уже ли же нам убивать своих кровных: не уже ли же мы должны возставать брат против брата, друг против друга? Правда ваша, что злые Европейцы похитили наших друзей и сродников; но этот невинной, доброй Европеец поручен, оставлен нам как брат, которого мы должны оберегать и спасать; и вместо того, бесчеловечные! вы требуете его жизни! – Он Европеец! кричали Курильцы, он Европеец; а может ли быть добрым Европеец? Они все злы! мы хотим всех побить их; они враги наши! – Как! вы хотите убить его только за то, что он Европеец? говорил Джизи. Какое он сделал зло нам? Признайтесь, жестокие братья! кто научил нас полезному в общежитии нашем, кто открывает нам путь к познанию истинного Бога? – Он! он! вскричали в один голос Курильцы. – И вы хотите за то убить его! продолжал старец. Знаете ли Вы, что если общий с ним великий Царь наш узнает такую жестокость нашу, то гнев Его будет беспределен? Он велит затопить нас, и название Шамуршира исчезнет!

Курильцы роптали; но смятение и трепет обнаруживали их смирение. – Знаете ли вы – воскликнул старец, ободренной смущением своих собратий – знаете ли, что сам Бог не попустит вам, и какими глазами вы будете глядеть на меня, когда я вам предам того человека, которого поклялся быть охранителем, отцем, другом? Что вы делаете с тем, которой, обещая, не сохраняет слов своего обета? Так вы хотите, требуете того, чтоб я преступил все слова чести? Нет, нет! я не допущу вас пролить кровь добраго, невиннаго моего друга;

Людмила М.Ермакова

дом мой не осквернится жестокостью несправедливости; но ежели варварство ваше превышает все границы свои: возьмите мою жизнь жизнь вашего брата! Между тем, как Джизи старался спасти друга своего, Шамурширцы мало по малу расходились из хижины; а тогда, когда он окончил речь свою, их не было уже ни единого. Вот действие красноречивой добродетели над жестоким заблуждением!

Малинский пал на колена и лобызал руки своего спасителя, которой подняв его, прижал к сердцу и сказал: Мы умеем и должны спасать друзей своих! – Варьми прыгала вокруг своего любезного друга и с чувством радости пела благодарственные песни Вездесущему. – Гульми рыдала от радости и приготовила торжественный праздник для друзей своих, на котором имя доброго Джизи раздавалось в тысяче радостных восклицаний.

Шамурширцы оставили свою ненависть против Европейцев; клятвенного мщения их предана была забвению. Малинский смело встречался с каждым из островитян, и твердо был уверен в их добродушии. И в самом деле злопамятность никогда не оставляла ненавистной черты своей в свойствах Курильцев; они отличались добросердечием и простотою. – Мы радуемся, говорили некоторые из них, повстречавшись с Малинским, что не убили брата нашего Рускаго; он доброй человек! А если бы убили его, тогда бы великой Бог не дал нам ни пищи, ни одежды; рыбные и звериные ловли наши никогда бы не были удачны.

Не могу положить настоящего времени, долго ли еще Малинский жил на Шамуршире; но знаю точно, что однажды, когда он был занят дневной работою своею, Варьми с радостными восклицаниями вбежала в хижину его: Друг мой! Европейцы пристали к острову нашему, Европейцы!....

С каким восторгом Малинский вскочил из-за работы своей, не берусь описать. Слезы удовольствия текли из глаз его; он с восхищением прижимал к сердцу своему щастливую вестницу. Но какая была тогда радость, когда он, пришедши на пристань, увидел Руской корабль, которой возвращался в Отечество! Малинский объяснился с Капитаном корабля и был принят на оной с сердечным удовольствием своих добрых соотечественников. Рано на третий день положено было оставить Шамуршир, и Малинский терялся в восторгах, ожидая дня

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

благополучия своего – так он называл день своего отъезда. Варьми узнала о щастии своего любезнаго; но радость ея не была его радостью. Взор ея был пасмурен; улыбка не являлась более на устах ея. С нежностью она взяла руку милаго друга и ангельским голосом с видом робости сказала ему: Я везде с тобою; но ты не забудь меня и там за морями, или Бог накажет тебя!

С горестными, неизъяснимыми страданиями Варьми оставила страну своего рождения, кровлю отцев своих: она всем пожертвовала для любви и для любезнаго. Джизи и Гульми осыпали ее благословениями, и поручив ее Богу, разстались с нею на веки! Нет слов для изъяснений ужасов ея; и тот только может познать вся ея муки, кто сам их испытал! – Благодарность Малинскаго к благодетелям своим также была неизъяснима.

Скоро супруги-любовники прибыли в землю Рускую, в Отечество Малинскаго, - и странник кинул посох свой: он нашел себе верную пристань! – Друзья и родственники приняли его и Варьми радостно; супружество их может назваться примером любви и верности, следовательно и благополучия! Нежная Варьми содеялась Европейкою, превзошла многих из них своими добродетелями, достоинствами; – доброй Малинский совершенно щастлив!

Сей анекдот был рассказан мне одним из морских Офицеров, бывших в Российско-Американской Компании; он сам был на острове Шамуршире, где имя Малинскаго у всех жителей еще не забыто; но он уже не застал живыми Джизи и Гульми; быть может, что вечная разлука с дочерью была причиною преждевременной их смерти. – Проезжая Т... Губернию, знакомец мой видел Малинскаго, восхищался образом жизни его, его Варьми, самим им и его детьми!

С.П. Бург

1810 года.

М.М-в.

Примечания

1. Остров Шамуршир. Курильской анекдот. – Аглая, издаваемая кн. П.Шаликовым.

Людмила М.Ермакова

- Москва, 1810, в Университетской типографии, ч. X. Кн. III, сентябрь, с.3-25. Напомним, что слово «анекдот» в то время означало краткий рассказ о подлинных исторических событиях.
2. Шоумчу Пушкин называет «первым Курильским островом». - Пушкин А. С. Заметки при чтении 'Описания земли Камчатки' С. П. Крашенинникова. Полное собрание сочинений в 10 т. Л., Наука, 1979. Т. 9. С.328. Пушкин, который предполагал написать статью о Камчатке и подробно интересовался историей освоения Камчатки и знакомства с Курильскими островами, писал в тех же заметках: «...пятидесятник Василий Колесов. Он сидел на приказе по апрель 1706 года. При нем был первый поход в Курильскую землю, и человек двадцать курильцев объяснены, прочие разбежались». Там же Пушкин упоминает об экспедиции Козыревского: «Козыревского с 55 казаками и двумя пушками послал Колесов на Большую реку строить суда и заслуживать свои вины, проводывая новых островов и Японского царства» (С.334).
 3. Подробнее об этой и последующих российских экспедициях см., например: С. Знаменский. В поисках Японии: из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом Океане. Благовещенск : "Книжное дело", 1929; Э.Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., Изд-во восточной лит-ры, 1960; Аояги Тико. Тисима рэтто-э-но Росиядзин нанка то Тисима айну. (Продвижение русских к Южным Курилам и курильские айны). Сэбэру, 2005, №21. (журнал «Север», Издание Осацкого Университета иностранных языков).
 4. Крашенинников, С. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. В Санкт-Петербурге. При Императорской Академии Наук. 1755.
 5. Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки А. С. Пушкина. Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Комиссия для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. Спб., 1910. Вып. 9/10. с. 54.
 6. Иоганн Готлиб Георги (1729-1802), естествоиспытатель, врач, химик, этнограф, путешественник, ставший в России Иваном Ивановичем, имел множество заслуг перед разными науками. В области этнографии Георги занимался, в том числе, малыми народностями Сибири. Именно он в 1794 г. рекомендовал Канта к избранию в почетные члены Российской Императорской Академии Наук. (Не столь важный, но любопытный факт - это по его фамилии в России получили свое название георгины).
 7. В.Э.Вацуро. Готический роман в России. НЛЮ, 2002, с.400.
 8. Magdalena Dąbrowska. Rosyjska opowieść sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku. Instytut Rusystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Studia Rossica. Warszawa, 2003. S.239.
 9. Подозрение высказано Н.Ю.Чалисовой, прочитавшей статью в черновике, за что, как и за многое другое, пользуюсь случаем принести мою благодарность.

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

10. Подробнее об этом см., например: Н.Д.Кочеткова. Литература русского сентиментализма. СПб, 1994, с.47.
11. Ю.М.Лотман. Сотворение Карамзина. М.,1987. С. 251.
12. Даниэла Рици. «Станционный смотритель» Пушкина и «Старосветские помещики» Гоголя. – Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. Под ред. Дэвида М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. М., ОГИ, 2001. С. 318–334. (Сер. «Материалы и исследования по истории русской культуры». Вып. 7.)
13. Как предполагают разные исследователи, это А. Погорельский с его повестью «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (Е.Ю.Питерцева), «Станционный смотритель» В.Карлгофа (В.В.Виноградов, В.Н.Турбин), «Иван Выжигин» Ф.Булгарина, «Лоретта» Ж.-Ф. Мармонтеля (В.Н.Турбин, И.Василенко), анонимная повесть «Кто бы это предвидел?» (В.Н.Турбин), анонимная повесть «Колин и Лиза», стихотворение Н.Ф.Остолопова «Бедная Дуня», водевиль А.Грибоедова «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (Е.А.Сурков) и т.д.
14. В.Н.Топоров. "Бедная Лиза" Карамзина. РГГУ, М., 1995. С.66-67.
15. Там же, с.71.
16. В.Н.Топоров. "Бедная Лиза" Карамзина. РГГУ, М., 1995. С.66-67.
17. Жукова Ю. Об инструменте для написания «Женской истории». – Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции. ПЦГИ. СПб., 1996, с. 303.
18. Об отношениях и контактах А.С.Пушкина и Шаликова см. подробнее в: Е.Н.Дрыжакова. А.С.Пушкин и князь Шаликов. – Новые безделки. Сб. статей к 60-летию В.Вацура. М., 1995-1996, с. 271-283.
19. Л.А.Черейский. Пушкин и его окружение. АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкин. комис. Отв. ред. В. Э. Вацура. — 2-е изд., доп. и перераб. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989.
20. Напоминаем текст эпиграммы:
 Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
 Элегию семье своей читал,
 А казачок огарок свечки сальной
 Перед певцом со трепетом держал.
 Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
 "Вот, вот с кого пример берите, дуры!" -
 Он дочерям в восторге закричал. -
 "Откройся мне, о милый сын природы,
 Ах! что слезой твой осребрило взор?"
 А тот ему: "Мне хочется на двор".
21. Пушкин А. С. Письмо Вяземскому П. А., 19 февраля 1825 г. Из Михайловского в Москву. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр.

Людмила М.Ермакова

отд-ние, 1977—1979. Т. 10. Письма. – 1979. С. 99.

Имеется в виду следующий фрагмент:

...И я средь бури жизни шумной

Искал вниманья красоты.

Глаза прелестные читали

Меня с улыбкою любви;

Уста волшебные шептали

Мне звуки сладкие мои...

Но полно! в жертву им свободы

Мечтатель уж не принесет;

Пускай их Шаликов поет,

Любезный баловень природы.

Впоследствии Пушкин исправил «Шаликов» на «юноша», и стихотворение с тех пор публикуется в исправленном варианте.

22. В.В.Сперантов. *Miscellanea poetologica*. 1. Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»? – *Philologica*, 1996, т. 3, N5/7, с.125-131.
23. Скорее, это говорит Державин в стихотворении «Арфа»; именно эту строку с измененным порядком слов впоследствии цитирует грибоедовский Чацкий.

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ АЙНАХ

ABSTRACT

The Unknown Story About Ainu: The Text And Its Possible
Connections

Liudmila Ermakova

The aim of the paper is to present the anonymous short story "Island of Shamurshir", the narrative which for the first time was published in one of the literary periodicals of Moscow in 1810 and for the last two centuries was not reprinted. As far as we know it has not ever become the object of literary criticism. However, it is of undoubted interest, because it is the first, and, most likely, up to the present time, the only work of the literature of Russia (possibly, and of entire Europe too), where Ainu people appear as characters. One more important quality of the narrative is that it belongs to the genre of the literature of sentimentalism, and some features of the story make it possible to compare it with other characteristic works of the same literary current. Possible, in our opinion, even to assume that this narrative became one of the objects of parody in the Pushkin's "The Station Master". Therefore we added to the text of the narrative itself our own description and analysis of it, in which we tried to establish topical, lexical and stylistic similarities between the stories "Island of Shamurshir" and "The Station Master", and also to constitute links of both texts to Karamzin's "Poor Liza" – as the prototext of the literature of sentimentalism.